

ПАМЯТИ

А. С. ПУШКИНА

Торжественное засѣданіе Учено-Литературнаго
Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ
Университетѣ 23 мая 1899 г.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

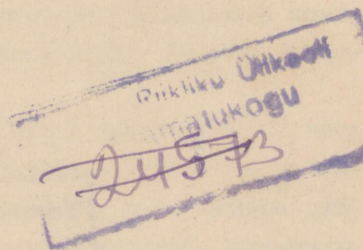
1899.

Est. A-4458

ПАМЯТИ

А. С. ПУШКИНА

Торжественное засѣданіе Учено-Литературнаго
Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ
Университетѣ 23 мая 1899 г.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1899.

Изъ Сборника Учено-Литературнаго Общества при Император-
скомъ Юрьевскомъ Университетѣ. Т. II.

Est-A

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

15 161

Въ воскресенье 23 мая текущаго года состоялось торжественное засѣданіе Учено-Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ, посвященное чествованію памяти величайшаго и гениальнѣйшаго русскаго поэта, А. С. Пушкина, по случаю столѣтія со дня его рожденія.

Въ совѣтскомъ залѣ Университета, гдѣ происходило это торжественное засѣданіе, на высококомъ пьедесталѣ помѣщался декорированный живыми растеніями бюстъ виновника торжества.

Чествованіе памяти великаго поэта началось въ 1½ часа дня, въ присутствіи большинства членовъ Общества и значительнаго количества гостей, панихидою, отслуженною дѣйствительнымъ членомъ Общества, протоіереемъ, профессоромъ Университета, А. С. Царевскимъ, причемъ пѣлъ гимназическій хоръ подъ управленіемъ А. И. Кондратьева.

Передъ панихидою А. С. Царевскій сказалъ слово, приводимое ниже.

Послѣ панихиды товарищъ предсѣдателя, профессоръ М. Н. Крашенинниковъ, слѣдующими словами объявилъ торжественное засѣданіе открытымъ: „Присоединяясь къ общему грандіозному движенію, широкою и мощною волною охватившему всю интеллигентную Россію и обусловленному единодушнымъ желаніемъ достойно отпраздновать высокознаменательное для всей Россіи событіе — исполняющуся

на дняхъ столѣтнюю годовщину рожденія А. С. Пушкина, наше молодое Учено-Литературное Общество постановило посильно почтить память этого, безспорно, величайшаго и геніальнѣйшаго русскаго поэта, посвятивъ его чествованію особое торжественное засѣданіе, которое я теперь и объявляю открытымъ“.

Послѣ этого гимназическій хоръ подъ управленіемъ А. И. Кондратьева исполнилъ кантату „Слава Пушкину!“ (слова и музыка г. Рубца).

Затѣмъ на кафедрѣ взошелъ дѣйствительный членъ Общества, директоръ Юрьевской классической гимназій, Н. И. Ивановъ, и произнесъ (приводимую ниже) рѣчь: „о воспитательномъ значеніи поэзіи Пушкина“.

За рѣчью Н. И. Иванова послѣдовалъ „гимнъ въ память Пушкина“ (слова К. К. Случевского, музыка г. Главача), исполненный гимназическимъ хоромъ вмѣстѣ съ гимназическимъ же оркестромъ, подъ управленіемъ г. Якоба.

Затѣмъ дѣйствительный членъ Общества, учитель Юрьевской учительской семинаріи, М. Н. Столяровъ, произнесъ (также приводимую ниже) рѣчь: „Старый Дерптъ въ жизни и поэзіи А. С. Пушкина“.

Послѣ этой рѣчи гимназическимъ оркестромъ были исполнены: 1) свадебный хоръ изъ оперы Даргомыжскаго „Русалка“ и 2) вальсъ изъ оперы Чайковскаго „Евгеній Онѣгинъ“.

Затѣмъ дѣйствительный членъ Общества, учитель Юрьевской классической гимназій, А. П. Павловъ, продекларировалъ стихотворенія Пушкина: „Клеветникамъ Россіи“ и „Памятникъ“.

Въ заключеніе гимназическимъ оркестромъ былъ исполненъ маршъ изъ оперы Глинки „Русланъ и Людмила“.

Совѣтъ Учено-Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ считаетъ долгомъ

публично выразить свою искреннюю благодарность Юрьевскому Семейному Общественному Собранию „Роднику“ — за любезное доставление бюста А. С. Пушкина, а также гимназическому хору и гимназическому оркестру въ лицѣ ихъ талантливыхъ руководителей, гг. Кондратьева и Якоба, за любезное содѣйствіе.

Слово,

произнесенное передъ панихидою по А. С. Пушкинѣ въ день торжественнаго засѣданія Учено-Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ 23 мая 1899 года.

Настоящее торжественное собраніе въ честь великаго нашего поэта, раба Божія Александра, мы предваряемъ молитвою объ упокоеніи души его. Такъ мы поступаемъ по сознанию заслугъ его предъ нами и по чувству христіанской любви къ нему. Не мнѣ, конечно, говорить здѣсь о заслугахъ его, но и съ церковной кафедрой позволительно сказать, что безсмертныя творенія его служатъ украшеніемъ русской литературы, славою русскаго имени. По выраженію одного изъ достойнѣйшихъ нашихъ писателей, въ твореніяхъ этихъ вполне выразилась вся полнота русскаго народнаго духа. По нимъ воспитывались мы, воспитываются наши дѣти и будутъ воспитываться дѣти нашихъ дѣтей. Имъ мы обязаны тѣмъ, что имя русскаго народа въ области словеснаго творчества стоитъ не ниже именъ другихъ просвѣщенныхъ народовъ, ибо въ лицѣ нашего поэта русскій народъ имѣетъ своего Гомера, своего Шекспира, своего Гёте. Въ Ветхомъ Завѣтѣ поэтическое вдохновеніе въ средѣ народа еврейскаго разсматривалось какъ признакъ особой близости народа къ Богу и, наоборотъ, оскудѣніе этого вдохновенія указывало на нравственный упадокъ народа. Подобно этому и на поэтической

даръ нашего поэта должно смотрѣть какъ на залогъ особаго благоволенія Божія къ народу русскому, располагающій насъ къ всегдашней благодарности. Воздадимъ же ему благомъ молитвы за тѣ духовныя блага, которыя онъ оставилъ намъ въ своихъ твореніяхъ.

Но не по сознанію только заслугъ нашего поэта мы должны молиться объ упокоеніи души его, но и по чувству христіанской любви къ нему. Какъ и всякій человѣкъ онъ подвергался въ своей жизни многимъ грѣховнымъ увлеченіямъ и паденіямъ, за которыя онъ долженъ отдать отчетъ на судѣ Божіемъ тѣмъ болѣе строгій, чѣмъ съ большею охотою онъ предавался имъ и чѣмъ бѣльшимъ соблазномъ послужилъ онъ для другихъ. Будемъ уповать, что правосудіе Божіе въ отношеніи его будетъ растворено милосердіемъ Божіимъ, ибо онъ умеръ съ раскаяніемъ во грѣхахъ своихъ, какъ истинный христіанинъ. „Хочу умереть христіаниномъ; прощаю всѣхъ“, говорилъ онъ въ предсмертныя свои минуты.

„Я содрогаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идиловъ моихъ,
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унижилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?“ —

писалъ также поэтъ, и эти слова могли выйти только изъ сердца смиреннаго и сокрушеннаго, которое Богъ не уничтожитъ. Да учинить же его Господь по его покаянію въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, отнюду же отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе, и идѣже пребываютъ радость и веселіе вѣчныя. —

Къ сказанному позволю присовокупить еще одно. Одинъ изъ ближайшихъ друзей нашего великаго поэта говорилъ о немъ, что все лучшее въ немъ принадлежало ему самому, а все худшее въ немъ принадлежало лицамъ и обстоятельствамъ, окружавшимъ его. И дѣйствительно, въ обществѣ, окружав-

шемъ поэта, мы видимъ злобу, коварство, взаимное недоброжелательство, легкомысленное отношеніе къ нравственности, полное отчужденіе отъ спасительныхъ установленій церкви. Самое воспитаніе поэта, по его собственнымъ словамъ, было слишкомъ поверхностнымъ и лишено было благотворныхъ началъ народности и благочестія. Что же теперь удивительнаго, если печальные слѣды всего этого отразились на жизни нашего поэта! Что же удивительнаго въ томъ, если совокупность всего этого привела его къ трагической кончинѣ, отнявшей отъ насъ поэта въ самомъ расцвѣтѣ его поэтическаго таланта? Поэтому вполне будетъ уместно къ молитвѣ объ упокоеніи души нашего поэта присовокупить молитвенное обѣщаніе собственнаго нашего исправленія. Да не будетъ всего этого между нами; да не будетъ между нами злобы, коварства и взаимнаго недоброжелательства; да не будетъ между нами людей, смѣшивающихъ добро со зломъ и зло съ добромъ; да не будетъ между нами людей, подобныхъ тѣмъ, которыхъ Спаситель уподобляетъ гробамъ поваленнымъ, внѣ уду краснымъ, а внутрь уду исполненнымъ мерзости и всякой нечистоты. Да не будетъ въ средѣ нашей легкомысленнаго отношенія къ вѣковѣчнымъ устоямъ нравственности и отчужденія отъ спасительныхъ началъ церковности и благочестія. Если мы дадимъ себѣ подобное обѣщаніе, то, уповаемъ, бессмертный духъ нашего великаго поэта съ отрадою и утѣшеніемъ будетъ внимать настоящему собранію въ память его и настоящей нашей молитвѣ за него. Аминь.

Проф. Протоіерей А. С. Царевскій.

О воспитательномъ значеніи поэзіи Пушкина.

Мм. Гг.

Не безъ смущенія всхожу я на кафедру въ нынѣшнемъ торжественномъ собраніи нашего Общества, посвященномъ чествованію памяти великаго поэта. Великій человѣкъ, его великія дѣянія, поэтической гений и его созданія требуютъ и великихъ силъ для ихъ вѣрнаго пониманія и достойнаго изображенія въ словѣ. Въ 85 лѣтъ, протекшихъ со времени появленія въ свѣтъ первыхъ юношескихъ произведеній нашего поэта, оставившаго міру въ теченіе своей свыше 20-лѣтней поэтической дѣятельности высочайшіе образцы художественнаго творчества, послѣдніе составляли предметъ мысли и слова нашихъ первоклассныхъ критиковъ, великихъ писателей, философовъ, художниковъ. Всѣ они такъ или иначе испытывали силу своихъ дарованій надъ изученіемъ и объясненіемъ личности и произведеній нашего безсмертнаго поэта. Но и послѣ этихъ трудовъ нельзя сказать, что мы имѣемъ вполне опредѣленные и полные отвѣты на всѣ вопросы, возбуждаемые какъ его своеобразною личностью, такъ и великими созданіями. Такова вообще судьба великихъ историческихъ дѣятелей, а тѣмъ болѣе таковыхъ дѣятелей въ области мысли и творчества.

Рѣшимость посвятить свое посильное слово изображенію великихъ заслугъ гениальнаго художника мы можемъ считать лишь слабою данью признательности за эти заслуги и удивленія

его гению. Сверхъ того, общеніе съ высокими идеями и возвышенными чувствами великаго художника имѣеть чрезвычайно важное значеніе въ нашей умственной жизни и вполне отвѣчаетъ естественнымъ запросамъ и потребностямъ духа. Въ вѣкъ широкаго развитія и необычайно быстрыхъ, поражающихъ самое смѣлое воображеніе, успѣховъ матеріальной культуры, захватывающей въ свои сѣти столько интересовъ современнаго образованнаго человѣчества, особенно цѣнно, важно не упускать изъ виду вопросовъ самопознанія. У всѣхъ великихъ поэтовъ, мыслителей, художниковъ стараго и новаго времени ярко и рѣзко стояла задача самопознанія, стояли тѣ жгучіе для развитаго сознанія вопросы бытія человѣческаго, какіе и до сихъ поръ остаются для человѣка и столь же глубоко важными, и столь же глубоко интересными. Съ этой точки зрѣнія чествованіе памяти нашего великаго поэта имѣеть глубокое моральное значеніе.

Въ настоящемъ очеркѣ представляется нѣсколько мыслей о томъ великомъ значеніи, какое имѣеть поэзія А. С. Пушкина для воспитанія высокихъ чувствъ, для выработки возвышенныхъ понятій въ сферѣ личныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеній.

Чувство имѣеть чрезвычайно важное значеніе въ жизни и отдѣльнаго человѣка, и цѣлаго общества. Составляя одинъ изъ главныхъ источниковъ нашихъ стремленій и дѣйствій, оно тѣмъ самымъ служитъ однимъ изъ основаній какъ частныхъ, такъ и общественныхъ отношеній. Нѣкоторые, напр., принимаютъ, что прирожденное чувство состраданія есть основа симпатіи, развивающейся въ свою очередь, при извѣстныхъ условіяхъ, въ сознательную любовь. Изъ ежедневнаго опыта мы знаемъ, какія важныя послѣдствія иногда влечетъ за собою сильное развитіе такихъ чувствъ, какъ: гнѣвъ, ненависть, ревность, съ одной стороны, а искренняя дружба, привязанность, любовь — съ другой. При такой важной роли въ нашей жизни чувства вполне понятно, какое важное значеніе должно имѣть правильное его развитіе, цѣлесообразное воспитаніе.

Искусство, какъ преимущественная форма выраженія общечеловѣческихъ чувствъ, и есть одно изъ важнѣйшихъ средствъ въ развитіи и цѣлесообразномъ направленіи чувства, въ дѣлѣ его воспитанія. По опредѣленію нашего знаменитаго современнаго писателя, истинное искусство есть зараженіе другихъ тѣмъ чувствомъ, какимъ одушевленъ самъ художникъ. Чувство изящнаго, преимущественно возбуждаемое различнаго рода искусствами, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ облагороженіи человѣческихъ отношеній и формъ жизни. Впечатленіе прекраснаго не пропадаетъ въ эстетическомъ чувствѣ. Нѣтъ, оно сопровождаетъ наши понятія, выражается въ образѣ жизни, въ отношеніяхъ людей. Изящество формъ и благородство общественныхъ отношеній, которыми такъ гордятся образованные народы, впервые выработались въ сферахъ искусства, впервые развились въ чистыхъ созерцаніяхъ мысли, въ высокомъ подъемѣ чувства художника. Въ этомъ отношеніи изящныя формы пластики, живописи, гармоническіе звуки музыки наряду съ изящными созданіями поэтическаго генія одинаково важны, одинаково могущественно двигаютъ впередъ формы и отношенія жизни, могущественно содѣйствуютъ ея очеловѣченію. Дѣйствіе великихъ произведеній искусства распространяется далеко за предѣлы ихъ ближайшей сферы.

Поэзія есть выраженіе чувства, окрыленнаго мыслью. Эта особенность поэзіи ставитъ ее неизмѣримо выше всѣхъ другихъ родовъ искусства въ дѣлѣ воспитанія, облагороженія чувства. Чувство, освѣщенное и окрыленное мыслью, составляетъ не только основу человѣческихъ подвиговъ, но есть вмѣстѣ съ тѣмъ и могущественное орудіе человѣческаго развитія.

Но въ этомъ отношеніи не всякое чувство, какъ бы оно ни было глубоко, какъ бы оно ни было изящно выражено, имѣетъ положительное значеніе, но лишь въ томъ случаѣ, когда, по выраженію нашего поэта, муза послушна велѣнью Божію, когда красота и добро (въ нравственномъ смыслѣ) сливаются въ одно прекрасное цѣлое. Лишь при этомъ условіи

искусство выполняет свою великую роль истиннаго очеловѣченія чувства и жизни. Нашъ современный геніальный писатель и не признаетъ никакого иного искусства.

Задушевность, возвышенность и глубина чувствъ, изящество выраженія лучшихъ поэтическихъ созданій Пушкина ставятъ послѣднія въ ряду величайшихъ созданій въ области искусства, какъ орудія общественнаго воспитанія.

Имѣя въ виду указать на воспитательныя, поучительныя черты въ самой личности нашего великаго поэта, въ развитіи его идеальныхъ воззрѣній, какъ эта личность и эти воззрѣнія отразились въ его поэтическихъ созданіяхъ, нельзя не остановиться на вопросѣ объ отношеніи этихъ созданій къ личности поэта. Эстетическая критика, игнорирующая вопросъ объ источникѣ поэтическихъ произведеній, объ ихъ, такъ сказать, психологической исторіи, ихъ связи съ самою жизнію поэта, восхищаясь красотою этихъ произведеній, считала ихъ не болѣе, какъ игрою поэтической фантазіи, произведеніями художественнаго генія, не выражающими никакихъ личныхъ убѣжденій поэта. Этотъ взглядъ на поэтическія созданія, очевидно, не далекъ отъ того, который цѣнили значеніе поэзіи наравнѣ съ вкуснымъ лимонадомъ. Взглядъ на поэта, лишь какъ на жреца чистаго искусства, по справедливому замѣчанію Ап. Григорьева, „лишаетъ поэта его великой личности, его пламенныхъ, но обманутыхъ жизнью сочувствій, его высокаго общественнаго значенія и низводитъ его на степень кимвала звенящаго и мѣди бряцающей, громкаго и равнодушнаго эха, сладко поющей птицы.“ (Соч. I, 238.) Историческая, въ обширномъ смыслѣ, критика, не отвергая вполне художественной точки зрѣнія, основаніемъ своихъ сужденій о художественныхъ созданіяхъ принимаетъ положеніе, что эти послѣднія суть выраженія личной жизни художника, чувствъ, имъ дѣйствительно пережитыхъ, мыслей, имъ дѣйствительно передуманныхъ. Иная точка зрѣнія представлялась бы намъ теперь по меньшей мѣрѣ странною. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ только, что художественныя созданія Достоевскаго, Льва Толстого не за-

ключаютъ въ себѣ выраженія ихъ дѣйствительныхъ идеальныхъ воззрѣній, а суть лишь плоды развлеченій, „забавъ, иль празднои скуки“. Можно ли еще болѣе унижить эти созданія и ихъ авторовъ, которыми наша литература справедливо гордится, и которые такъ привлекаютъ къ себѣ вниманіе нашихъ просвѣщенныхъ сосѣдей, европейскихъ и заокеанскихъ друзей, ставящихъ себя во главѣ современнаго литературнаго и вообще культурнаго развитія человѣчества? Не нужно доказывать, что упомянутыя созданія — плоды не забавъ и празднои скуки, а наоборотъ — тяжкихъ думъ, захватывающихъ чувствъ, тяжелыхъ душевныхъ мукъ. Иными путями не рождаются истинно художественныя созданія. По своеобразному, но мѣткому выраженію нашего современнаго гениальнаго художника и мыслителя, „гладкихъ, жирующихъ и самодовольныхъ мыслителей и художниковъ не бываетъ. Духовная дѣятельность и выраженія ея, дѣйствительно нужныя для другихъ, есть самое тяжелое призваніе чловѣка, крестъ, какъ выражено въ Евангеліи. И единственный несомнѣнный признакъ присутствія призванія есть самоотверженіе, есть жертва собой для проявленія вложенной въ чловѣка на пользу другимъ людямъ силы. Безъ мукъ не рождается и духовный плодъ.“ (Л. Толстой. Сочин. т. XII, стр. 326. Москва, 1886).

Поэзія была страстью Пушкина. Сдѣланное имъ самимъ указаніе, что „поэзія бываетъ исключительною страстью немногихъ, родившихся поэтами. Она объемлетъ, поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни,“ въ полной мѣрѣ приложимо къ нему самому. Въ его произведеніяхъ мы имѣемъ не мало признаній, что онъ рано началъ сознавать въ себѣ эту страсть.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Въ тѣ дни въ таинственныхъ долинахъ,
Весной при крикахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться муза стала мнѣ. (Евг. Он. VІІІ, 1.)

Съ этихъ поръ муза стала неразлучною спутницею Пушкина до послѣдней минуты его жизни, среди его увлеченій, порывовъ молодости и страстной натуры, въ тиши уединенія, въ минуты грусти и печали, въ его частной и общественной жизни, въ его сознательномъ служеніи развитію родной мысли и слова. Поэтъ такъ изображаетъ свое творчество въ первую юношескую эпоху :

Все волновало нѣжный умъ :
 Цвѣтушій лугъ, луны блистанье,
 Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
 Старушки чудное преданье.
 Какой-то демонъ обладалъ
 Моими играми, досугомъ ;
 За мной повсюду онъ леталъ,
 Мнѣ звуки дивныя шепталъ,
 И тяжкимъ пламеннымъ недугомъ
 Была полна моя глава ;
 Въ ней грезы чудныя рождались ;
 Въ размѣры стройныя стекались
 Мои послушныя слова
 И звонкой риемой замыкались.
 Въ гармоніи соперникъ мой
 Былъ шумъ лѣсовъ иль вихорь буйный,
 Иль иволги нагѣвъ живой,
 Иль ночью моря гуль глухой,
 Иль шопоть рѣчки тихоструйной.

Въ 1830 году поэтъ, изображая себя среди тишины сельской обстановки, говоритъ :

И пробуждается поэзія во мнѣ :
 Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
 Трепещетъ и звучить, и ищетъ, какъ во снѣ,
 Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ —
 И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
 Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
 И риѣмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
 И пальцы просятъ къ перу, перо къ бумагѣ,
 Минута — и стихи свободно потекутъ. (II, 103.)¹⁾

При такой силѣ поэтическаго дарованья, естественно, рѣдкое событіе, рѣдкое впечатлѣніе, рѣдкое движеніе чувства проскользнетъ у поэта не запечатлѣннымъ въ поэтическомъ образѣ. И наоборотъ — нѣтъ въ поэзіи Пушкина образа, нѣтъ отдѣльной черты въ образѣ, которые не имѣли бы своего основанія въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ въ его чувствѣ. Онъ поистинѣ и безъ всякаго преувеличенія — поэтъ дѣйствительности. Вотъ что даетъ основаніе сказать, что поэзія Пушкина имѣетъ несомнѣнное біографическое, или правильнѣе, біографическо-психологическое значеніе; что въ этой поэзіи мы въ правѣ видѣть дѣйствительные помыслы, надежды, стремленія, идеалы самого поэта,

Какія же черты духовной природы Пушкина, его нравственной личности, отразившіяся въ его произведеніяхъ, могутъ для насъ имѣть воспитывающее, поучительное значеніе? Конечно, образъ поэта, какъ онъ вырисовывается въ плодахъ его духовной дѣятельности, прежде всего дѣйствуетъ на воображеніе наблюдателя, какъ цѣльная личность, со всѣми ея чувствами, стремленіями, страстями. Но на такомъ представленіи образа поэта останавливается лишь пассивно воспринимающая мысль, лишь поверхностное отношеніе къ поэтическому образу. Болѣе внимательное отношеніе къ послѣднему, анализъ заключенныхъ въ немъ мыслей и чувствъ, сопоставленіе тѣхъ и другихъ въ ихъ постепенномъ развитіи въ дѣятельности поэта — приводятъ наблюдателя къ генезису этихъ мыслей и чувствъ поэта, къ опредѣленію ихъ взаимной зависимости, относительнаго значенія, безъ чего немислимо правильное разумѣніе художественнаго произведенія.

Пушкинъ былъ необыкновенно богато одаренная натура. Не получивъ правильнаго, разумаго, сообразно своей богатой

1) Цитаты приводятся по изд. Литер. фонда. 1887.

природѣ, воспитанія, будучи наоборотъ подвергнуть своего рода пытку такъ называемаго французскаго воспитанія, если не извратившаго природы поэта, то во всякомъ случаѣ задержавшаго развитіе природныхъ и, нужно прибавить, глубоко народныхъ свойствъ его натуры, не нашедши и въ учебномъ заведеніи, въ которомъ обучался, правильной школы, которая стояла бы на уровнѣ современныхъ ей знаній и ученія, нашъ поэтъ естественно страдалъ, особенно въ юности, отъ послѣдствій своего, какъ онъ выражался, проклятаго воспитанія и своего образованія. Въ своихъ запискахъ Пушкинъ съ горечью отмѣтилъ: „Въ концѣ 1826 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ (онъ разумѣлъ Вульфа). Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы научились танцовать.“ Но такая богато одаренная натура, какъ Пушкинъ, не могла помириться съ своимъ безпорядочнымъ воспитаніемъ и недостаточнымъ образованіемъ. Въ этомъ отношеніи самосознаніе Пушкина рано просыпается. Первымъ по времени отраженіемъ этого самосознанія является превосходное стихотвореніе 1819 г. „Возрожденіе“. Здѣсь мы еще не видимъ сознательно поставленной цѣли самовоспитанія, самообразованія. Она пока заключается лишь въ постепенномъ очищеніи отъ грѣховъ воспитанія, знанія своихъ заблужденій, какъ слѣдствія дурно направленнаго воспитанія. Я не стану останавливаться на томъ, въ данномъ случаѣ важномъ, обстоятельствѣ, какъ неблагоприятны были для такого знанія условія жизни Пушкина, его отношенія въ періодъ времени отъ выхода его изъ Лицея до выѣзда въ Екатеринославль, да и впослѣдствіи съ нѣкоторыми перерывами вплоть до переселенія въ с. Михайловское въ 1824 году. Но самый фактъ проявленія этого знанія въ художественномъ произведеніи въ высшей степени знаменателенъ. Знаніе своихъ заблужденій, хотя бы и не надолгое время, строгій, испытующій взоръ на пройденный путь есть могучій рычагъ дальнѣйшаго развитія, вѣрный залогъ самосовершенствованія.

Упомянутое стихотвореніе „Возрожденіе“ открываетъ собою цѣлый рядъ подобныхъ, какъ бы покаянныхъ произведеній нашего поэта. Чѣмъ болѣе развивалось самосознаніе Пушкина, тѣмъ глубже онъ видѣлъ и понималъ требованія разумнаго воспитанія чувства, характера, истиннаго образованія. По самому существу своему горькое чувство прошлаго пробивается въ произведеніяхъ Пушкина не часто, но оно тѣмъ рѣзче, тѣмъ острѣе. Относящіяся сюда стихотворенія то цѣликомъ посвящены выраженію этого чувства, то послѣднее служитъ лишь основою, фономъ для выраженія вытекающихъ изъ него чувствъ.

Отзвуки этого чувства встрѣчаемъ въ элегіи 1821 г.: „Я пережилъ свои желанья, я разлюбилъ свои мечты...“ (238, I.)

Всецѣло посвящено выраженію горькаго чувства раскаянія въ заблужденіяхъ жизни и чувствъ молодости стихотвореніе 1828 г. „Воспоминаніе“: „Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день“ (II, 37). Яркое выражено это чувство въ „Стансахъ“ 1830 г. въ отвѣтъ на посланіе м-та Филарета:

„Въ часы забавъ иль празднои скуки,
 Бывало лиръ я моей
 Ввѣрялъ изнѣженные звуки
 Безумства, лѣни и страстей“ . . .
 „Я лилъ потоки слезъ неожиданныхъ,
 И ранамъ совѣсти моей
 Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
 Отраденъ чистый былъ елей.“ (II, 88.)

Къ тому же году относится элегія:

„Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
 Мнѣ тяжело, какъ смутное похмелье“ (II, 101.)

Въ 1834 году Пушкинъ дѣлаетъ переложеніе первой главы знаменитаго сочиненія англійскаго теософа Бѣньяна „Странникъ“, изображающей отчаяніе человѣка, сознающаго свою неприготовленность къ смерти, къ загробному суду. Изобразивъ отчаяніе человѣка, увидѣвшаго передъ собою

смерть и услышавшаго призывъ къ нелицепріятному суду, поэтъ указываетъ страннику рукою юноши вдали мерцающій свѣтъ, къ которому и отправляетъ странника, и послѣдній, оставивъ семью, друзей, бѣжалъ къ источнику указаннаго свѣта. Изъ того же чувства вылилось чудное по своей задушевности стихотвореніе 1835 г. „Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ отшельникомъ два года незамѣтныхъ“ (с. Михайловское) (II, 182). Въ особенности для насъ въ данномъ случаѣ интересны дополнительные стихи къ этому стихотворенію, не отданные Пушкинымъ въ печать, по ихъ слишкомъ автобіографическому характеру. Въ черновыхъ рукописяхъ къ этому стихотворенію встрѣчаемъ слѣдующее добавленіе:

„Вотъ уголокъ, гдѣ для меня безмолвно пролетали
 Часы трудовъ, свободно вдохновенныхъ;
 Здѣсь погруженный въ думы,
 Я размышлялъ о грустныхъ заблужденьяхъ
 Объ испытаньяхъ юности моей,
 О строгомъ, заслуженномъ осужденьѣ“

Такимъ образомъ указанное горькое чувство, какъ осадокъ увлеченій и страстей, проходитъ весьма замѣтною струею въ произведенія Пушкина на протяженіи послѣднихъ 16 лѣтъ его жизни и поэтической дѣятельности.

Въ связи съ этою выдающеюся чертою личности Пушкина, съ этою кристально чистой струей его поэзіи нужно поставить не менѣе важный для насъ въ данномъ случаѣ мотивъ ея — исканіе и постепенная выработка жизненнаго и творческаго идеала поэта. Мотивъ этотъ, можно сказать, непосредственно вытекалъ изъ самосознанія поэта, выразившагося въ самокритикѣ, въ раскаяніи въ своемъ жизненномъ и поэтическомъ прошломъ.

Въ чемъ же выразилось это исканіе идеала, и въ чемъ заключается самый этотъ идеалъ? По существу вопроса трудно ожидать найти въ поэзіи Пушкина прямой отвѣтъ на

него. Такого рода интимныя, задушевныя мечты поэта пробиваются, въ особенности вначалѣ, едва замѣтными чертами, лишь впоследствии выростая въ опредѣленные образы, въ обстановкѣ то исторической, то современной поэту дѣйствительности. Въ данномъ отношеніи несомнѣнно важно вскрыть разнообразныя вліянія, которыя несомнѣнно имѣли значеніе въ выработкѣ содержанія и формы пушкинской поэзіи, пока она не вылилась въ широкій потокъ творчества самобытнаго русскаго гения. Не пересматривая всего сдѣланнаго уже въ этомъ отношеніи критикою, мы ограничимся важнѣйшими въ этомъ направленіи наблюденіями. Вышепоставленный вопросъ сводится къ опредѣленію лично-общественныхъ идеаловъ Пушкина, какъ они выразились въ его поэзіи.

Въ развитіи пушкинскихъ идеаловъ различаютъ два періода, граница которыхъ совпадаетъ внѣшнимъ образомъ съ границею двухъ царствованій. Конечно, въ дѣлѣ развитія нравственныхъ убѣжденій трудно указать какія нибудь болѣе или менѣе опредѣленныя, точныя грани. Къ этому нельзя не прибавить, что широкая увлекающаяся, страстная натура Пушкина менѣе всего склонна была укладываться разъ навсегда въ точно опредѣленныя рамки той или другой морали, подчиняться въ своей дѣятельности отвлеченной теоріи. Но тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить великой разницы нравственно-общественныхъ идеаловъ Пушкина-юноши и Пушкина-мужа въ смыслѣ широкаго развитія его мысли и высоты міровоззрѣнія. Это-то совершенствованіе его нравственныхъ воззрѣній и составляетъ для насъ въ высшей степени поучительный фактъ, достойный великаго поэта.

Могущественная, демоническая, по выраженію самого поэта, сила творчества, которою онъ былъ одаренъ, требовала не менѣе могучихъ нравственныхъ силъ, чтобы направить это бурное дарованіе къ истиннымъ и высокимъ цѣлямъ. Силу эту Пушкинъ не могъ почерпнуть ни въ семьѣ, которая дала нашему поэту много отрицательнаго въ нравственномъ смыслѣ, ни въ школѣ, которая по своему воспитательному

влянію стояла не выше его семьи, ни тѣмъ менѣе въ томъ обществѣ золотой молодежи, въ которомъ Пушкинъ занималъ видное мѣсто по выходѣ изъ Лицея. Порывы страсти, увлеченія модными въ то время либеральными идеями до атеизма включительно наполняли въ первое время жизнь поэта и въ значительной мѣрѣ отразились и на его произведеніяхъ перваго періода. Самъ Пушкинъ такъ изображаетъ свои идеалы этого времени:

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
 Страстей единый произволъ,
 Съ толпою чувства раздѣлая,
 Я музу рѣзвую привелъ
 На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
 Грозы полуночныхъ дозоровъ;
 И къ нимъ въ безумные пиры
 Она несла свои дары,
 И какъ вакханочка рѣзвилась,
 За чашей пѣла для гостей,
 И молодежь минувшихъ дней
 За нею буйно волочилась,
 И я гордился межъ друзей
 Подругой вѣтреной моею". (Евг. Он. VIII, 3.)

Но пройдя черезъ всѣ эти искушенія, отразивъ на себѣ разнообразныя влянія эпохи, переболѣвши разнообразными ея недугами, Пушкинъ однако-же нашелъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы отъ нихъ освободиться. А освободившись отъ этихъ юношескихъ увлеченій, поэтъ обнаружилъ такую нравственную высоту возрѣній, какая была недостижима для тѣхъ, слабости которыхъ онъ раздѣлялъ. Мицкевичъ, другъ Пушкина, такъ отзывался о его характерѣ: „Недостатки Пушкина, повидимому, зависѣли отъ обстоятельствъ и общества, въ которомъ онъ вращался, но что въ немъ было добраго, то проистекало изъ его собственнаго сердца“. И вотъ около 25 года жизни Пушкинъ мало по малу, осторожно, по мѣрѣ

проясненія своихъ воззрѣній, вводитъ въ свои произведенія художественные образы совсѣмъ иного нравственнаго закала, чѣмъ изображенные выше идеалы страсти, чувственнаго порыва. Безъ предположенія начавшагося около этого времени нравственнаго возрожденія, заблеставшихъ для него, хотя еще въ синей дали, высокихъ личныхъ и общественныхъ идеаловъ, намъ невозможно было бы объяснить появленіе въ его произведеніяхъ совершенно новыхъ въ нравственномъ смыслѣ образовъ, которые, постепенно совершенствуясь, предстаютъ предъ нами въ дивныхъ созданіяхъ его послѣднихъ лѣтъ. Приведемъ въ общихъ очеркахъ занимающіе насъ образы. Уже въ первой изъ такъ называемыхъ байроническихъ поэмъ Пушкина, въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“, рядомъ съ байроническимъ или, по мнѣнію другихъ¹⁾, шатобріановскимъ, характеромъ плѣнника мы встрѣчаемъ совсѣмъ въ другомъ родѣ идеальный образъ, образъ черкешенки, которая со своимъ самоотверженіемъ является истинною героинею предъ слабохарактернымъ плѣнникомъ. Но въ чертахъ этой героини, названной, Пушкинымъ черкешенкой, мы съ большимъ правомъ, говоритъ критикъ, должны признать настоящую русскую женщину, для которой права другого сердца дороже ея собственнаго счастья. (В. В. Никольскій. Идеалы Пушкина. Стр. 24). „Въ „Цыганахъ“, позднѣйшей и совершеннѣйшей изъ всѣхъ поэмъ, задуманныхъ подъ вліяніемъ байроновской романтики, уже вложено одно изъ завѣтнѣйшихъ началъ народной русской жизни — требованіе смиренія личныхъ страстей, указаніе на то, что душевная правда и свобода даются только подвигомъ личнаго самоусовершенствованія, а не погоней за блестящими и фантастическими призраками внѣшней свободы“ (В. Буренинъ. Критическіе этюды. Стр. 273). Идеальный образъ старика цыгана Пушкинъ, конечно, не наблюдалъ въ бессарабскихъ степяхъ, въ дѣйствительныхъ цыганскихъ таборахъ. „Идеаль этотъ совершенно не цыганскій. Это идеаль

1) В. В. Сиповскій. Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ. Спб. 1899.

пушкинскій, и подобно черкешенкѣ онъ есть созданіе нравственной природы самого Пушкина, есть выраженіе его собственнаго понятія о свободѣ, и этимъ созданіемъ Пушкинъ рѣшительно осудилъ байроническій идеалъ“ (В. В. Никольскій Идеалы Пушкина. Стр. 24).

Поэма „Братья разбойники“ есть какъ-бы психологическій этюдъ безшабашной удали, дерзкихъ подвиговъ нравственно-одичавшихъ людей. Поэма не окончена, но заключительные стихи послѣдней строфы ясно намекаютъ на нравственный смыслъ поэмы:

„Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть;
Она проснется въ черный день.“

Итакъ совѣсть, нравственный законъ долженъ, по мысли поэта, торжествовать въ отношеніяхъ людей. Иныя отношенія представляются поэту неестественными. Очевидно, вопросъ о торжествѣ нравственнаго закона надъ страстью уже вполне овладѣлъ поэтическимъ сознаніемъ Пушкина.

Въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, изобразивъ бѣшеную страсть восточнаго деспота, поэтъ заставляеть ее разбиться о непреодолимыя препятствія нравственной чистоты плѣнницы христіанки.

„Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной вѣрой обитаетъ
И между тѣмъ какъ все вокругъ
Въ безумной нѣгѣ утопаетъ
Святыню строгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ.“

Къ этому Пушкинъ присоединяетъ чрезвычайно характерное лирическое отступленіе:

„Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній,
Хранить одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство.“

Съ „Цыганами“, когда уже были написаны двѣ первыя главы „Онѣгина“, Пушкинъ совершенно освободилъ свое творческое воображеніе отъ байроновскихъ страстныхъ героевъ.

Въ „Онѣгинѣ“, лучшемъ и любимомъ своемъ созданіи, Пушкинъ развѣнчалъ въ лицѣ главнаго героя навѣянный, заемный типъ русскаго романтика-либерала; онъ поставилъ его со всѣмъ его европейскимъ просвѣщеніемъ и блескомъ, со всѣми красивыми позами „въ Гарольдовомъ плащѣ“, со всѣмъ протестомъ скитальца, оторваннаго отъ почвы, — въ приниженное положеніе предъ истинною носителницею родной правды и естественности, предъ этой чистой и прекрасной деревенской дѣвушкой, „бѣдной Таней“, развившейся потомъ въ еще болѣе возвышенную русскую женщину, въ дивный образъ нравственной красоты. „Чувство законнаго долга, спокойное достоинство, основанное именно на этомъ непоколебимомъ чувствѣ, ея свобода отъ всякой душевной тревоги и мелочныхъ страстей — вотъ идеальныя черты, плѣнившія Пушкина въ истинно русской женщинѣ. Татьяна развилась до той свободы, гдѣ человѣкъ становится господиномъ своихъ душевныхъ движеній, и гдѣ невозможно паденіе, потому что невозможно рабство страстямъ“ (В. В. Никольскій. *Ibid.* стр. 31—32). Это же непоколебимое чувство долга руководило Пушкинымъ при созданіи и другихъ женскихъ типовъ его произведеній: Марьи Кирилловны Трекуровой, въ „Дубровскомъ“, Марьи Гавриловны, въ „Метели“, Марьи Ивановны, въ „Капитанской дочкѣ.“

Величавый образъ могучаго Петра долгое время занималъ творческую мысль Пушкина. Этотъ образъ въ „Полтавѣ“ рѣшительно господствуетъ надъ окружающими его въ поэмѣ персонажами; онъ своею могучею благородною фигурою вполне

заслоняетъ преданныхъ эгоистическимъ страстямъ Мазепу и его сторонниковъ. Въ этой поэмѣ, одномъ изъ совершеннѣйшихъ созданій Пушкина, идея поэта уже выражена открыто; нравственная сила, преданность высокой идеѣ долга царствуетъ надъ нравственнымъ ничтожествомъ произвола страстей.

„Прошло сто лѣтъ — и чтожь осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось —
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Насилій, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.“ (Полт. Эпил.)

Созданный еще въ 1825 году, но обнаруженный лишь черезъ 5 лѣтъ послѣ окончанія, „Борисъ Годуновъ“ или, какъ первоначально озаглавилъ Пушкинъ свою драму: „Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ“, среди множества лицъ, волнующихъ различными страстями, захваченныхъ водоворотомъ событий и такъ или иначе страдающихъ отъ общенародныхъ бѣдствій, вызванныхъ чудовищнымъ преступленіемъ вѣнецносца, — среди всѣхъ этихъ тревожныхъ характеровъ драма представляетъ намъ дивный, умилительный образъ преданнаго исполненію „отъ Бога завѣщаннаго“ долга, безстрастнаго лѣтописца Пимена. Онъ одинъ съ высоты своего нравственнаго величія спокойно взираетъ на волнующееся вокругъ море человѣческихъ страстей, не отступая отъ своего дѣла, вполне преданный волѣ Провидѣнія. Онъ одинъ не вовлеченъ въ общее движеніе страстей, одинъ не страдаетъ отъ тяжелыхъ послѣдствій увлеченій страстями. Пушкинъ оставилъ намъ признанія, что въ образѣ Пимена онъ стремился воплотить черты, *плънившія* его въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ.

Но сила Пушкинскаго творчества въ этомъ направленіи достигла высшаго своего развитія въ повѣсти „Капитанская дочка“, въ изображеніи тѣхъ типовъ ея, которые, по терминологіи Ап. Григорьева, принадлежатъ къ „смирнымъ“. Здѣсь необыкновенная художественная простота изображенія вполне слилась съ дѣйствительностью чудныхъ по своему нравственному величію образовъ изъ семействъ Гриневыхъ и Мироновыхъ. Плѣнительная нравственная чистота и высота этихъ типовъ вмѣстѣ съ поразительною вѣрностью дѣйствительности рѣшительно захватываетъ читателя. Самые величавые подвиги во имя нравственнаго долга до пожертвованія жизнью включительно эти люди совершаютъ, какъ вполне обиденныя дѣла, не рисуясь ни предъ собою, ни предъ другими. Можно сказать, что эти люди — Мироновы, Гриневы, среди сѣрой незатѣйливой обстановки своей жизни, среди видимыхъ мелкихъ интересовъ ея, неизмѣнно остаются на высшей степени нравственнаго подъема, который лишь при извѣстныхъ условіяхъ становится доступнымъ наблюденію. Но не имѣемъ ли мы здѣсь дѣла съ отсутствіемъ, съ утратою интереса къ жизни? Не имѣемъ ли мы здѣсь дѣла съ своего рода тупыми людьми, не знающими цѣны жизни? Нѣтъ, эти люди не утратили интереса къ жизни, они знаютъ ея радости, но живы они не собственными эгоистическими побужденіями, не мелкими страстями. Они живы сознаніемъ высокаго долга. Во имя долга они забываютъ всѣ мелкіе и важные интересы своей личной жизни, до собственныхъ дѣтей включительно. Во имя высшаго долга передъ родиною, передъ отечествомъ, они умѣютъ не щадить своей жизни. Безъ этого долга имъ не понятна, не нужна жизнь.

Таковы характеры, плѣнявшіе нашего поэта на безвременномъ закатѣ его дней. Такова теперь нравственная чистота и высота возрѣній того, кто въ бурной юности поставлялъ себѣ въ законъ „страстей единый произволъ“. Такъ-то нашъ безсмертный поэтъ, выработавъ силою своего великаго духа столь высокіе жизненные идеалы, является дѣйствитель-

нымъ воспитателемъ общества, руководителемъ его въ жизненной борьбѣ. Средство, которымъ Пушкинъ выработалъ въ себѣ свои высокіе идеалы, заключалось въ упорномъ трудѣ надъ самовоспитаніемъ и самообразованіемъ. Силою этого труда Пушкинъ могъ обуздать свое могучее, своенравное дарованіе и подчинить его своимъ высокимъ идеальнымъ стремленіямъ.

Въ заключеніе этого бѣлаго очерка развитія самосознанія нашего великаго поэта и его нравственно-общественныхъ идеаловъ, какъ они выразились лишь въ крупнѣйшихъ его произведеніяхъ, нельзя не остановиться на весьма знаменательномъ и имѣющемъ глубокое нравственно-воспитательное значеніе явленіи въ его душевной жизни. Я разумью развитіе у нашего поэта въ послѣдніе годы его жизни религіознаго чувства. Давно отдѣлавшись отъ легкомысленнаго увлеченія идеями невѣрія, нашъ поэтъ однакоже нѣкоторое время оставался въ этомъ отношеніи на распутьи — явленіе, свойственное всѣмъ недюжиннымъ и дѣятельнымъ натурамъ. Это явленіе у Пушкина выразилось въ охватившемъ его на нѣкоторое время разочарованіи жизнью, утратѣ смысла жизни и дѣятельности. Наиболѣе яркимъ выраженіемъ этого состоянія душевной жизни поэта служитъ извѣстное стихотвореніе Пушкина 1828 г., вызвавшее обращенное къ нему увѣщаніе м-та Филарета.

„Даръ напрасный, даръ случайный,

Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

Иль зачѣмъ судьбою тайной

Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью

Изъ ничтожества воззвалъ,

Душу мнѣ наполнилъ страстью,

Умъ сомнѣньемъ взволновалъ? . . .

Цѣли нѣтъ передо мною;

Сердце пусто, празденъ умъ,

И томитъ меня тоскою

Однозвучный жизни шумъ“. (II, 38)

Мы не знаемъ того внутренняго душевнаго процесса, который привелъ поэта къ столь безотраднымъ мыслямъ. Не знаемъ и ближайшихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, послужившихъ поводомъ къ выраженію этого безотраднаго душевнаго состоянія. Но среди послѣднихъ, быть можетъ, не мало важное значеніе имѣло двусмысленное положеніе, въ которомъ находился Пушкинъ по освобожденію отъ заключенія въ селѣ Михайловскомъ. Съ внѣшней стороны Пушкинъ былъ свободенъ, но въ тоже время его литературная дѣятельность и самая жизнь находились подъ строгимъ надзоромъ бдительнаго графа Бенкендорфа. До какой степени простиралась эта бдительность, причинявшая Пушкину, несомнѣнно, немало нравственныхъ страданій, видно изъ писемъ къ нему графа Бенкендорфа. Такъ, по поводу чтенія поэтомъ въ кругу друзей ненапечатанной еще въ то время трагедіи „Борисъ Годуновъ“, гр. Бенкендорфъ пишетъ Пушкину, отъ 22 ноября 1826 г.: „При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, не имѣя времени лично съ вами переговорить, я обратился къ вамъ письменно съ объявленіемъ высочайшаго соизволенія, дабы вы, въ случаѣ какихъ либо новыхъ литературныхъ произведеній вашихъ, до отпечатанія или распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ или чрезъ мое посредство, или даже и прямо, его Императорскому Величеству.

„Не имѣя отъ васъ извѣщенія о полученіи сего моего отзыва, я долженъ однакоже заключить, что оный къ вамъ дошелъ, ибо вы сообщали о содержаніи его нѣкоторымъ особамъ.

„Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію.

„Сіе меня побуждаетъ покорнѣйше просить васъ объ увѣдомленіи меня: справедливо ли такое извѣстіе или нѣтъ? Я увѣренъ впрочемъ, что вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ столь великодушнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго“. (Напечат. въ „Русской Старинѣ“ 1899 г., кн. V стр. 248).

Позднѣе, по поводу поѣздки поэта въ Закавказье графъ Бенкендорфъ писалъ Пушкину, отъ 14 октября 1829 г.: „Государь Императоръ, узнавъ, по публичнымъ извѣстіямъ, что вы странствовали за Кавказомъ и посѣщали Арзерумъ, высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ спросить васъ, по чьему позволенію предприняли вы сіе путешествіе? Я же съ своей стороны покорнѣйше прошу васъ увѣдомить меня, по какимъ причинамъ не изволили вы сдержать даннаго мнѣ слова и отправились въ Закавказскія страны, не предъувѣдомивъ меня о намѣреніи вашемъ сдѣлать сіе путешествіе“ (ibid. 249). Какъ бы то ни было, но къ 30-мъ годамъ Пушкинъ уже отдѣлался отъ этого безотраднaго душевнаго холода, разлада съ жизнью. Съ 30-хъ годовъ поэтъ нерѣдко въ своей поэзіи обращается уже къ библейскимъ мотивамъ, какъ бы выполняя тѣмъ собственное предназначеніе, выраженное въ послѣдней строфѣ отвѣтнаго посланія м-ту Филарету, 19 января 1830 г.:

„Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внеметъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.“

Въ 1836 г. Пушкинъ плѣняется такими высокими образцами религіознаго творчества, какъ исполненная глубокаго христіанскаго смиренія великопостная молитва св. Ефрема Сирина. Религіозное воодушевленіе Пушкина выливается въ стихотворномъ переложеніи этой молитвы.

„Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.“ (II, 188.)

Къ высоковоспитательнымъ элементамъ поэзіи Пушкина нельзя, конечно, не отнести и выражаемое имъ живое чувство высокаго патріотизма. Не указываемъ здѣсь произведеній прямо патріотическаго содержанія, какъ, напр. „Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская годовщина“ и др. Высокій патріотизмъ Пушкина стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія и живо чувствуется въ его поэзіи. Чувствомъ искренняго патріотизма согрѣты всѣ произведенія, связанныя съ именемъ Петра Великаго, съ великими эпохами и событіями нашей исторіи, нашедшими свое изображеніе въ произведеніяхъ Пушкина, какъ-то: эпоха царствованія Бориса Годунова, современная поэту великая народная эпопея отечественной войны и ея герои, наконецъ величавый образъ императора-рыцаря Николая I.

Не станемъ касаться здѣсь вопроса о томъ, насколько самъ поэтъ слѣдовалъ въ жизни, въ своихъ частныхъ и общественныхъ отношеніяхъ выработаннымъ имъ самимъ высокимъ идеальнымъ воззрѣніемъ. Широкая и увлекающаяся натура нашего поэта, какъ уже было упомянуто, не всегда и не во всемъ способна была подчиняться требованіямъ хотя бы и высокой морали. Не мало можно найти фактовъ въ жизни Пушкина, которые трудно было бы согласовать съ его же собственными идеальными воззрѣніями. Современная философская критика въ лицѣ г. В. Соловьева старается подрывать значеніе этихъ воззрѣній поэта указаніемъ именно на такого рода факты въ жизни и отношеніяхъ Пушкина. Но наиболѣе важнымъ моментомъ въ этомъ отношеніи она представляетъ столкновеніе поэта съ предполагавшимся имъ виновникомъ нарушенія его семейнаго мира — барономъ Геккерномъ. Упомянутая критика осудила увлеченіе Пушкина страстью мщенія нарушителю этого мира. „Пушкинъ убить, говоритъ г. Соловьевъ, не пулею Геккерна, а своимъ собственнымъ выстрѣломъ въ Геккерна“. (Влад. Соловьевъ. Судьба Пушкина. Стр. 32. С.-Пет. 1898 г.). Въ отвѣтъ на это тяжкое обвиненіе поэта, съ точки зрѣнія той же критики, можно, конечно, только сожалѣть, что поэтъ, несмотря

на свои искреннія религіозныя чувства, на свои высокія понятія о духовной свободѣ, не нашелъ въ себѣ на этотъ разъ достаточно силъ, чтобы дать перевѣсъ этимъ чувствамъ надъ силой страстнаго порыва, силой негодованія на врага.

Но если допустима въ этомъ случаѣ точка зрѣнія философская, точка зрѣнія отвлеченной морали, то вполне законна и другая точка зрѣнія — историческая. Съ этой послѣдней точки зрѣнія фактъ какъ бы учиненной поэтомъ расправы съ своею жизнью получаетъ совсѣмъ иное освѣщеніе. Пушкинъ, съ одной стороны, былъ связанъ крѣпкими узами съ современнымъ окружающимъ обществомъ, а съ другой, — въ своихъ идеальныхъ воззрѣніяхъ, которыя онъ въ возрастѣ мужества стремился проводить въ жизнь, вводитъ въ отношенія къ окружающимъ, настолько рѣзко, столь глубоко разошелся съ этимъ обществомъ, что катастрофа, въ той или иной формѣ, для него представлялась неизбѣжною. Пушкинъ это ясно сознавалъ и глубоко чувствовалъ. Съ этой точки зрѣнія жизнь и судьба нашего великаго поэта отличаются глубоко трагическимъ характеромъ. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве, какъ неизбѣжномъ слѣдствіи опредѣленно сложившихся историческихъ условій русской жизни, чувство потомства находитъ успокоеніе и примиреніе съ трагическою судьбою гениальнаго поэта.

Указавши важнѣйшіе въ дѣлѣ воспитанія высокихъ чувствъ мотивы и элементы поэзіи Пушкина, нельзя не остановить вниманія на формѣ ихъ выраженія. Въ сферѣ искусства вопросъ о томъ, какъ выражается содержаніе, не менѣе важенъ, чѣмъ вопросъ, что выражается. Высотѣ и важности содержанія въ художественномъ произведеніи должно соответствовать изящество формы. Критика безповоротно рѣшила, что произведенія Пушкина въ этомъ отношеніи отмѣчены печатью гениальнаго художника. „Геній Пушкина тѣмъ и превосходитъ всѣхъ представителей русскаго искусства, что ни у кого изъ нихъ не проявляется въ творчествѣ такое гармоническое сліяніе красоты и правды, что никто съ такою чуткостью не ура-

зумѣлъ красоту и правду русской жизни, русскихъ народныхъ идеаловъ и никто не выразилъ ихъ въ такой ясности, опредѣленности, въ такой искренней простотѣ и полнотѣ. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ представляетъ поистинѣ чудесное, изумительное явленіе, особенно если взять во вниманіе тѣ жизненныя условія, при которыхъ воспитался и проявилъ себя его гений“ (В. Буренинъ. Критическіе этюды. Стр. 271).

Я не стану останавливаться на характеристикѣ поэзіи Пушкина, какъ поэзіи національной. Это повело бы насъ слишкомъ далеко. Да и въ сущности въ развитіи этого вопроса намъ пришлось бы повторять многое изъ сказаннаго о развитіи личности и творческихъ идеаловъ Пушкина. Русская литературная критика, „пройдя цѣлый рядъ колебаній, несправедливыхъ и легкомысленныхъ оцѣнокъ, признала наконецъ Пушкина величайшимъ гениемъ, истиннымъ основателемъ русской поэзіи, въ настоящемъ и высшемъ значеніи этого слова, зачинателемъ всего того, чѣмъ гордится теперь наша литература, чѣмъ славится она и у другихъ народовъ, великимъ учителемъ всѣхъ крупнѣйшихъ представителей русскаго творчества“. (Бур. *ibid.* Стр. 275).

При разсмотрѣніи развитія и творческихъ идеаловъ Пушкина невольно привлекаетъ вниманіе наблюдателя поразительное типическое совпаденіе важнѣйшихъ моментовъ этого развитія нашего поэта съ развитіемъ другихъ нашихъ великихъ писателей — Гоголя, Достоевскаго, Льва Толстого. Тѣ же муки сомнѣній, то же неустанное и неуклонное исканіе правды жизни и творческихъ идеаловъ, тотъ же, наконецъ, глубокій интересъ къ религіознымъ вопросамъ — вотъ эти поразительно типическія черты сходства. Фактъ — глубоко знаменательный и поучительный для національнаго сознанія.

Заключая рѣчь о воспитательномъ значеніи поэзіи Пушкина, нельзя обойти молчаніемъ и мнѣніе перваго ея цѣнителя, великаго нашего критика-эстетика Бѣлинскаго, такъ любовно и не разъ останавливавшагося на пушкинской поэзіи. „Читая

его творенія, говоритъ Бѣлинскій, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка, и такое чтеніе особенно полезно для молодыхъ людей обоого пола. Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юности, образователемъ юнаго чувства. Поэзія его чужда всего фантастическаго, мечтательнаго, ложнаго, призрачно-идеальнаго; она вся проникнута насквозь дѣйствительностью; она не кладетъ на лицо жизни бѣлизны и румянъ, но показываетъ ее въ ея естественной, истинной красотѣ“. . . „Чтеніе Пушкина должно сильно дѣйствовать на воспитаніе, развитіе и образованіе изящно-гуманнаго чувства въ человѣкѣ“. . . „Никто, рѣшительно никто изъ русскихъ поэтовъ не стяжалъ себѣ такого неоспоримаго права быть воспитателемъ и юныхъ, и возмужалыхъ, и даже старыхъ читателей, какъ Пушкинъ, потому что мы не знаемъ на Руси болѣе нравственнаго, при великости таланта, поэта, какъ Пушкинъ“. (Бѣлинскій. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898. Т. II, стр. 719, 721).

Искреннее преклоненіе потомства предъ памятью и заслугами великаго человѣка можетъ быть основано на искреннемъ же и сознательномъ отношеніи къ этимъ заслугамъ, а такое отношеніе можетъ вытекать лишь изъ усвоенія высокихъ идей великаго человѣка, изъ зараженія, выражаясь словами гр. Толстого, его высокими чувствами. Всеобщій и доселѣ небывалый по отношенію къ писателю подъемъ духа въ нашемъ отечествѣ, по случаю чествованія столѣтней годовщины рожденія гениальнаго поэта, составляетъ отрадное доказательство, будемъ вѣрить, того, что соотечественники чествуемаго поэта, по крайней мѣрѣ образованнаго слоя, не чужды его идеямъ и чувствамъ. Но будемъ вѣрить и въ то, что сладкіе, по выраженію самого поэта, звуки его пѣсенъ, по его пророчеству, пройдутъ по всей Руси великой, и назоветъ его всякъ сущій въ ней языкъ — и гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій тунгузъ, и другъ степей калмыкъ. Непрерывно возрастающее внѣшнее могущество Россіи и внутренняя образовательная сила началъ ея государственности и гражданствен-

ности служатъ намъ въ томъ непререкаемымъ и надежнымъ залогомъ.

Но эта центростремительная сила русскаго могущества не лишена обаянія и за предѣлами государственными. Уже нашъ безсмертный поэтъ поставилъ вопросъ: сольются ли славянскіе ручьи въ русскомъ морѣ, хотя съ сомнѣніемъ прибавилъ: или оно изсякнетъ. Національная идея, столь широко развившаяся въ наше время, во времена Пушкина едва зарождалась. Духовное возрожденіе славянъ западныхъ вполне опредѣлилось лишь къ половинѣ нынѣшняго столѣтія, а южныхъ — на нашихъ глазахъ. Въ пробужденіи самосознанія и политическаго возрожденія славянскихъ народностей отъ вѣковаго порабощенія чуждыми народами Россія всегда принимала самое живое участіе, а освобожденіе южныхъ славянъ отъ турецкаго ига запечатлѣно кровью ея сыновъ. Но то было дѣломъ преимущественно политическаго могущества и вліянія Россіи. Однако сознаніе племенного, а у южныхъ славянъ и религіозно-исповѣднаго единства съ русскимъ народомъ составляло и составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ славянскаго возрожденія. Западно- и южнославянскіе поэты и художники нерѣдко почерпали свое вдохновеніе въ сокровищницѣ русской литературы, и поэзія Пушкина въ этой сокровищницѣ всегда представляла для славянъ предметъ удивленія и поклоненія. Съ своей стороны Пушкинъ не разъ вдохновлялся славянскими мотивами („Черногорцы“, Пѣсни Западн. Славянъ). Если позволительно судить о будущемъ на основаніи прошлаго, то поставленный Пушкинымъ вопросъ теперь имѣетъ для насъ значеніе лишь въ первой своей части. Непрерывный ростъ могущества и вліянія Россіи, мирныя культурныя завоеванія ея, высокогуманныя, воодушевляющія весь образованный міръ, стремленія ея верховныхъ вождей даютъ намъ право отвергнуть мысль объ изсяканіи русскаго моря, объ оскудѣніи русской силы. И если суждено разрѣшиться поставленному Пушкинымъ вопросу о сліяніи, хотя бы духовномъ, славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ, то

на знамени этого величаваго мірового движенія имя Пушкина будетъ изображено неизгладимыми чертами. Пѣвецъ красоты и гармоніи, пѣвецъ мира, дружбы и любви, по преимуществу, онъ будетъ сіять на этомъ знамени неугасающимъ свѣтомъ. Движеніе, возбужденное среди славянскихъ народностей чествованіемъ столѣтней годовщины рожденія нашего великаго національнаго поэта, свидѣтельствуесть о живомъ сознаніи и чувствѣ ихъ въ отношеніи къ нашему торжеству, торжеству славянскаго генія.

Н. Ивановъ.

Старый Дерптъ въ жизни и поэзіи А. С. Пушкина.

Прочитано въ засѣданіи Учено-Литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ 23 мая 1899 года.

Въ седьмой главѣ „Евгенія Онѣгина“ Пушкинъ называлъ свою судьбу „блуждающей“, и дѣйствительно, мы видимъ великаго поэта почти постоянно кочующимъ. Москва, Царское Село, село Михайловское, С.-Петербургъ, Екатеринославъ, Пятигорскъ, Крымъ, Кишиневъ, Одесса, Псковъ, Эрзерумъ, Болдино, Оренбургъ и цѣлый рядъ другихъ географическихъ пунктовъ составляютъ главныя точки тѣхъ зигзаговъ, которые описывалъ Пушкинъ, странствуя по Россіи. Большая часть мѣстностей, посѣщенныхъ Пушкинымъ, оставили слѣды не только въ черновыхъ рукописяхъ поэта въ видѣ помѣтокъ о томъ, гдѣ написано то или другое произведеніе, не только на заголовкахъ его писемъ, но и въ художественныхъ созапіяхъ. По стихотвореніямъ Пушкина можно составить любопытную географію Европейской Россіи и Кавказа, куда войдутъ описанія цѣлаго ряда городовъ, рѣкъ, народностей и т. д. Благодаря именно этому обстоятельству уже начавшееся чествованіе памяти великаго поэта во многихъ городахъ Россіи будетъ имѣть не только обще-національный, но и мѣстный характеръ, что, безспорно, увеличитъ самую торжественность и сердечность этихъ празднествъ. Какіе бы подчасъ непривлекательные эпитеты ни вырывались у Пушкина по адресу того или другого города, эти эпитеты лучше всего знаютъ на мѣстѣ, этими эпитетами гордятся,

какъ свидѣтельствомъ о болѣе или менѣе кратковременномъ пребываніи великаго поэта въ извѣстномъ городѣ.

Нашъ Юрьевъ въ этомъ отношеніи несчастнѣе очень многихъ городовъ и даже селеній Россіи: Пушкинъ въ немъ не былъ даже проѣздомъ. Правда, въ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“, изданныхъ Анненковымъ болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, говорится, что, получивъ 12 августа 1833 года разрѣшеніе на поѣздку въ юго-восточную Россію, Пушкинъ началъ свое путешествіе, кажется, съ Дерпта, гдѣ тогда жила К. А. Карамзина“ (с. 362); но изъ писемъ поэта къ своей женѣ мы знаемъ, что Пушкинъ отправился изъ Петербурга прямо въ Москву, хотя, дѣйствительно, имѣлъ намѣреніе заѣхать въ Дерптъ къ Карамзинымъ ¹⁾. „Софья Николаевнѣ (дочери исторіографа) объясни, — пишетъ Пушкинъ женѣ изъ Болдина 8 октября, — что если я не былъ къ нимъ въ Дерптъ, то это единственно по недостатку прогоновъ, которыхъ не хватило на лишніяхъ 500 верстѣ. А не писалъ имъ, полагая все пріѣхать.“

Но если нашъ городъ и не можетъ гордиться тѣмъ, что имѣлъ счастье принимать величайшаго русскаго поэта, то все-таки старый Дерптъ играетъ немаловажную роль и въ жизни Пушкина и даже въ его поэзіи.

9 августа 1824 года Пушкинъ былъ водворенъ въ родовомъ имѣніи своей матери, знаменитомъ селѣ Михайловскомъ, Псковской губерніи, и отданъ подъ надзоръ полиціи. Подневольное существованіе, скука одиночества, недостатокъ образовательныхъ средствъ для человѣка, желающаго „въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ“, наконецъ, безобразныя столкновенія съ отцомъ, одно изъ которыхъ заставило пылкаго поэта обратиться къ Жуковскому съ такой мольбой: „спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ,“ — всѣ эти невыносимыя для свободолюбиваго

¹⁾ Въ Дерптскомъ университетѣ въ это время учились сыновья исторіографа.

поэта условія заставили его помышлять о спасеніи посредствомъ бѣгства за границу.

Мысль объ эмиграціи впервые явилась у Пушкина еще на югѣ Россіи, во время пребыванія въ Одессѣ.

Придетъ ли часъ моей свободы?
спрашиваетъ Пушкинъ въ I главѣ „Евгенія Онѣгина“.

Пора, пора! — взываю къ ней;
Брожу надъ моремъ, жду погоды,
Маню вѣтрила кораблей.
Подъ ризой бурь съ волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда-жъ начну я вольный бѣгъ?
Пора покинуть скучный берегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей,
Вздыхать о сумрачной Россіи,
Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ . . .

О своемъ намѣреніи эмигрировать изъ Одессы писалъ Пушкинъ и брату: „Ты знаешь, я дважды просилъ . . . о своемъ отпускѣ и два раза воспослѣдовалъ все милости-вѣйшій отказъ. Осталось одно — писать прямо на его имя: такому-то въ З. Д., что напротивъ П. К., не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпежь. *Ubi bene, ibi patria.* А мнѣ *bene* тамъ, гдѣ растетъ триньтрава, братцы!“ Любовь и болѣе прозаическая причина — недостатокъ денегъ — помѣшали Пушкину привести въ исполненіе, можно сказать, завѣтную мечту своей молодости. Прощаясь съ моремъ передъ отъѣздомъ изъ Одессы, въ извѣстной элегіи „Къ морю“ поэтъ не позабылъ высказать сожалѣніе и о томъ, что ему не удалось покинуть Россіи.

Не удалось навѣкъ оставить
 Мнѣ скучный, неподвижный берегъ,
 Тебя восторгами поздравить
 И по хребтамъ твоимъ направить
 Мой поэтическій побѣгъ.
 Ты ждалъ, ты звалъ . . . я былъ окованъ;
 Вотще рвалась душа моя:
 Могучей страстью очарованъ,
 У береговъ остался я.

Водворенный въ Михайловскомъ, Пушкинъ не замедлилъ возобновить знакомство съ П. А. Осиповой, владѣлицей сосѣдняго сельца Тригорскаго, и съ ея семействомъ, въ томъ числѣ съ ея сыномъ отъ перваго брака А. Н. Вульфомъ, студентомъ Дерптскаго университета. Знакомство съ Вульфомъ скоро перешло въ тѣсную дружбу, и съ нимъ подѣлился Пушкинъ своей завѣтной мечтой. Молодой другъ поэта предложилъ ему свои услуги, и въ результатѣ явился такой планъ: Пушкинъ, сославшись на предполагаемую болѣзнь, аневризмъ въ ногѣ, выхлопочетъ позволеніе отправиться въ Дерптъ къ знаменитому въ то время дерптскому хирургу Мойеру, а изъ Дерпта уѣдетъ за границу. Мать поэта обратилась къ самому императору Александру I съ просьбой о дозволеніи сыну съѣздить въ Дерптъ; благодаря Жуковскому, Мойеръ изъявилъ полную готовность позаботиться о Пушкинѣ. Дѣло было налажено хорошо. Поэтъ почти не сомнѣвался въ успѣхѣ своего замысла и собирался трактовать съ братомъ о перепискѣ, о банкирѣ, черезъ котораго можно было бы пересылать деньги за границу, и о мѣстѣ пребыванія Чаадаева, бывшаго въ то время въ Западной Европѣ. 25 іюня 1825 г. Пушкинъ писалъ въ альбомъ П. А. Осиповой:

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
 Въ изгнаньѣ мирномъ оставаться,

Вздохать о милой старинѣ
 И сельской музѣ въ тишинѣ
 Душой безпечной предаваться.

Но всѣ надежды Пушкина разсѣялись, какъ дымъ, когда онъ получилъ позволеніе (отъ 26 іюня 1825 г.) — ѣхать для лѣченія не въ Дерптъ, а въ Псковъ. Отвѣтомъ на это разрѣшеніе было ѣдкое письмо Пушкина, адресованное Жуковскому. „Неожиданная милость его величества тронула меня несказанно . . . Я справлялся о псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволода, очень искуснаго по ветеринарной части и извѣстнаго въ ученое свѣтъ по своей книгѣ объ лѣченіи лошадей. Не смотря на все это я рѣшился остаться въ Михайловскомъ; тѣмъ не менѣе чувствую отеческую снисходительность его величества. Боюсь, чтобъ медленность мою пользоваться монаршею милостью не почли за небреженіе или возмутительное упрямство, — но можно ли въ человѣческомъ сердцѣ предполагать такую адскую неблагодарность? Дѣло въ томъ, что десять лѣтъ не думавъ о своемъ аневризмѣ, не вижу причины вдругъ о немъ расхлопотаться. Я все жду отъ человѣколюбиваго сердца императора, авось-либо позволить онъ мнѣ современемъ искать стороны мнѣ по сердцу и лекаря по довѣрчивости собственнаго разсудка, а не по приказанію высшаго начальства“.

Между тѣмъ обезпокоенная мать Пушкина и Жуковскій вели переговоры съ Мойеромъ, упрашивая его пріѣхать въ Псковъ. Узнавъ объ этомъ, Пушкинъ пришелъ въ ужасъ, что почтенный ученый будетъ оторванъ отъ своихъ занятій и совершитъ утомительное путешествіе только для того, чтобы увидѣть передъ собой совершенно здороваго человѣка. „Сейчасъ получено мною извѣстіе, — писалъ Пушкинъ Мойеру 29 іюня 1825 г., — что В. А. Жуковскій писалъ вамъ о моемъ аневризмѣ и просилъ васъ пріѣхать въ Псковъ для совершенія операціи. Нѣтъ сомнѣнія,

что вы согласитесь, но умоляю васъ, ради Бога, не пріѣзжайте и не беспокойте обо мнѣ. Операція, требуемая аневризмомъ, слишкомъ маловажна, чтобы отвлечь человѣка знаменитаго отъ его занятій и мѣстопробыванія. Благодареніе ваше было бы мучительно для моей совѣсти; я не долженъ и не могу согласиться принять его. Смѣло ссылаюсь на собственный вашъ образъ мыслей и на благородство вашего сердца. Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее уваженіе, какъ человѣку знаменитому и другу Жуковскаго.“

Между тѣмъ Пушкинъ узналъ, что за Мойеромъ была послана уже коляска въ Дерптъ. Это извѣстіе вызвало слѣдующее письмо къ Вульффу уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ: „Друзья мои и родители вѣчно со мной проказать: теперь послали мою коляску къ Мойеру съ тѣмъ, чтобъ онъ въ ней ко мнѣ пріѣхалъ и опять уѣхалъ, и опять отослалъ назадъ эту бѣдную коляску. Вразумите его. Дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться“. Въ слѣдующемъ письмѣ къ Вульффу уже въ октябрѣ мѣсяцѣ Пушкинъ писалъ своему другу въ Дерптъ: „почтеннаго Мойера благодарю отъ сердца; вполнѣ чувствую и цѣню его благосклонность и намѣреніе мнѣ помочь; но повторяю рѣшительно: ни во Псковѣ, ни въ моей глуши лѣчиться я не намѣренъ“. Жуковскому же относительно Мойера Пушкинъ писалъ: „я не довольно богатъ, чтобы выписывать себѣ славныхъ операторовъ, а даромъ лѣчиться не намѣренъ“. Въ томъ же самомъ письмѣ отъ 6 октября Пушкинъ сообщалъ о своей поѣздкѣ въ Псковъ и о томъ, что псковскій губернаторъ обѣщалъ довести до свѣдѣнія государя, что лѣчиться поэту въ Псковѣ невозможно. „Итакъ погодимъ, — говоритъ Пушкинъ, — авось либо царь что-нибудь рѣшитъ въ мою пользу“.

Такимъ образомъ, Пушкину не удалось посѣтить Дерптъ и убѣжать оттуда за границу при посредствѣ дерптскаго

студента и дерптскаго профессора. Мы можемъ только порадоваться, что нашему городу не суждено было сыграть въ жизни Пушкина такой-же фатальной роли, какъ въ жизни князя А. М. Курбскаго. Какъ ни проклиналъ Пушкинъ родину въ тяжелыя минуты своей жизни, какъ ни стремился онъ вырваться за границу и въ царствованіе императора Николая I, — нашъ великій поэтъ былъ патриотомъ еще до примиренія съ молодымъ царемъ. „Я, конечно, презираю отечество мое съ головы до ногъ, — писалъ онъ князю П. А. Вяземскому изъ Пскова въ началѣ юня 1826 г., — но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мной это чувство.“ Вражда Западной Европы къ Россіи, съ особенною силою проявившаяся въ царствованіе императора Николая I и вызвавшая впоследствии негодующій протестъ Пушкина въ его одахъ: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, безъ сомнѣнія, отравила бы его пребываніе за границей. Пушкинъ-эмигрантъ, безъ сомнѣнія, былъ бы несчастнѣе Пушкина-камеръ-юнкера. Самъ поэтъ впоследствии созналъ безразсудство своей юношеской мечты и, обращаясь неоднократно съ просьбой о заграничномъ отпускѣ, никогда, насколько извѣстно, не допускалъ и мысли о нелегальномъ отъѣздѣ въ Западную Европу. Въ минуты раздраженія изъ-подъ пера Пушкина вылетали фразы въ родѣ такой: „чортъ догадалъ меня родиться съ умомъ и талантомъ въ Россіи“; но въ одну изъ болѣе спокойныхъ минутъ онъ писалъ Чаадаеву 19 октября 1836 года: „Хотя я лично сердечно привязанъ къ императору, но я далеко не всѣмъ восторгаюсь, что вижу вокругъ себя; какъ писатель — я раздраженъ, какъ человѣкъ съ предразсудками — я оскорбленъ. Но клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ ее послалъ.“

Мы можемъ радоваться за Пушкина не только какъ за человѣка, но и какъ за писателя. Пребываніе за границей,

вдали отъ живыхъ впечатлѣній русской жизни, безспорно, неблагоприятнымъ образомъ отразилось бы и на творествѣ нашего великаго поэта. Наконецъ, мы должны радоваться и за Россію. Даже если допустить, что и за границей Пушкинъ сумѣлъ бы создать великія національныя произведенія, подобно Гоголю, написавшему „Мертвыя Души“ въ Римѣ, и Мицкевичу, создавшему „Пана Тадеуша“ въ Парижѣ, — то трудно было надѣяться, чтобы пылкая натура поэта, не сдерживаемая строгою цензурой правительства или друзей, удержалась отъ такихъ выходовъ по адресу русскаго правительства, которыя надолго преградили бы доступъ произведеніямъ Пушкина въ Россію и сдѣлали бы его „запрещеннымъ писателемъ“. Больше всего и прежде всего пострадала бы отъ этого, конечно, русская школа, въ которой Пушкинъ вмѣстѣ съ Крыловымъ являются незамѣнимыми педагогами.

Смерть императора Александра I положила конецъ мечтамъ Пушкина о бѣгствѣ за границу, но тяготѣніе великаго поэта къ Дерпту не прекратилось. Его влекли туда и дружба съ Вульфомъ и желаніе познакомиться съ Языковымъ, учившимся въ то время въ Дерптскомъ университетѣ. Уже черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ водворенія въ селѣ Михайловскомъ Пушкинъ пишетъ Вульфу въ Дерптъ 20 сентября 1824 г. слѣдующее посланіе :

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!

Пріѣзжай сюда зимой,

Да Языкова поэта

Затащи ко мнѣ съ собой

Погулять верхомъ порой,

Пострѣлять изъ пистолета.

Лайонъ, мой курчавый братъ

(Не Михайловскій прикащикъ),

Привезетъ намъ, право, кладъ!

Что — бутылокъ полный ящикъ.

Запируемъ — ужъ молчи!
 Чудо — жизнь анахорета!
 Въ Троегорскомъ до ночи,
 А въ Михайловскомъ до свѣта;
 Дни — любви посвящены,
 Ночью — царствуютъ стаканы;
 Мы же — то смертельно пьяны,
 То мертвецки влюблены.

Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отверстыми объятіями и съ откупоренными бутылками. — Уговори Языкова, да отдай ему мое письмо. “ Въ слѣдующихъ письмахъ къ Вульфу мы находимъ цѣлый рядъ упоминаній о Языковѣ, изъ которыхъ видно сильное желаніе Пушкина познакомиться съ „огненнымъ поэтомъ“ и глубокій интересъ къ его произведеніямъ. Пушкинъ шлетъ Языкову поклоны, хвалить его стихотворенія, дорожить даже пропущеннымъ при перепискѣ его стихомъ, просить новыхъ его стихотвореній и т. д. Наконецъ въ 1825 г. Пушкинъ посылаетъ въ Дерптъ извѣстное свое посланіе „Языкову“ :

Издревле сладостный союзъ
 Поэтовъ межъ собой связуетъ —
 Они жрецы единыхъ музъ,
 Единый пламень ихъ волнуетъ;
 Другъ другу чужды по судьбѣ,
 Они родня по вдохновенью.
 Клянусь Овидіевой тѣнью:
 Языковъ, близокъ я тебѣ!
 Давно бѣ на дерптскую дорогу
 Я вышелъ утренней порой,
 И къ благосклонному порогу
 Понесъ тяжелый посохъ мой,
 И возвратился бѣ оживленный
 Картиной беззаботныхъ дней,
 Бесѣдой вольно-вдохновенной

И звучной лирою твоей.
 Но злобно мной играетъ счастье:
 Давно безъ крова я ношусь,
 Куда подуеть самовластье:
 Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь,
 Всегда гонимъ, теперъ въ изгнаньѣ
 Влачу закованные дни.
 Услышь, поэтъ, мое призванье,
 Моихъ надеждъ не обмани . . .
 Я жду тебя. Тебя со мною
 Обниметъ въ сельскомъ шалашѣ
 Мой братъ по крови, по душѣ,
 Шалунъ, замѣченный тобою;
 И музъ возвышенный пророкъ,
 Нашъ Дельвигъ все для насъ оставить,
 И наша троица прославить
 Изгнанья темный уголокъ.
 Надзоръ обманемъ караульный,
 Восхвалимъ вольности дары
 И нашей юности разгульной
 Пробудимъ шумные ширь,
 Вниманье дружное преклонимъ
 Ко звону рюмокъ и стиховъ,
 И скуку зимнихъ вечеровъ
 Виномъ и пѣснями прогонимъ.

Совершенно иначе относился къ Пушкину Языковъ до своего личнаго знакомства съ нимъ. Подъ вліяніемъ профессора русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ Перевощикова и съ высоты нѣмецкой литературы, которую изучалъ въ Дерптѣ Языковъ, онъ относился къ Пушкину довольно пренебрежительно. Познакомившись съ „Бахчисарайскимъ фонтаномъ“ въ неудовлетворительномъ спискѣ, Языковъ писалъ брату: „эта поэма едва ли не худшая изъ всѣхъ его прежнихъ“. Когда была

напечатана первая глава „Евгенія Онѣгина“, Языковъ писалъ изъ Дерпта: „Онѣгинъ мнѣ очень, очень не понравился! Думаю, что это самое худое изъ произведеній Пушкина“. Относительно второй главы романа Языковъ писалъ: „Я читалъ вторую главу „Онѣгина“ въ рукописи — не лучше первой! То-же отсутствіе вдохновенія, та-же риемованная проза. Вотъ кого должны уважать мы на безлюдьи!“ „Но особенно неблагосклонно — говоритъ г. Шенрокъ — отнесся Языковъ къ невинному фарсу, разыгранному Пушкинымъ по поводу мнимаго аневризма въ ногѣ. Странно видѣть, до какого ригоризма доходилъ Языковъ, возмущавшійся со стороны Пушкина необдуманнѣмъ безпокойствомъ Мойера изъ-за небывалой болѣзни“¹⁾. Кромѣ того смущало Языкова и то обстоятельство, что Пушкинъ находился подѣ надзоромъ полиціи. Вотъ почему Языковъ не пріѣхалъ изъ Дерпта въ Тригорское ни въ 1824, ни въ 1825 г., не смотря на неоднократныя приглашенія Пушкина и П. А. Осиповой. Только въ 1826 г. явился Языковъ въ Тригорское, послѣ того, какъ Пушкинъ написалъ Вульфѣ: „Не правда ли, что вы привезете къ намъ и вдохновеннаго (Н. М. Языкова)? Скажите ему, что этого я требую отъ него именемъ славы и чести Россіи“.

Личное знакомство съ Пушкинымъ, во время пребыванія въ Тригорскомъ съ 10 іюня по 1 августа, кореннымъ образомъ измѣнило отношеніе Языкова къ своему великому современнику. По возвращеніи въ „градъ профессоровъ и скуки“ онъ написалъ разнымъ лицамъ рядъ стихотворныхъ и прозаическихъ посланій, въ которыхъ говоритъ о Пушкинѣ и о времени, проведенномъ съ нимъ, въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. „Я вопрошалъ совѣсть мою, — писалъ поэтъ изъ Дерпта Вульфѣ въ февралѣ 1827 г., — и не нахожу во всей моей жизни ничего подобнаго, красотою нравственною и физическою, ничего пріятнѣйшаго и

1) „Вѣстникъ Европы“ 1897 года, ноябрь, сс. 163—164.

достоинѣйшаго сіять золотыми буквами на доскѣ памяти моего сердца, нежели лѣто 1826 года!“

Тотчасъ по возвращеніи въ Дерптъ Языковъ написалъ Пушкину слѣдующее посланіе:

О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
Милѣ дѣвицы пригожей,
Святѣ всякой головы!
Огнемъ стиховъ ознаменую
Тѣ достохвальные края
И ту годину золотую,
Гдѣ и когда мы — ты да я —
Два сына Руси православной
Два первенца полныхъ музъ,
Постановили своенравно
Нашъ поэтической союзъ, и т. д.

Эту „годину золотую“ Языковъ „ознаменоваль“ въ знаменитомъ стихотвореніи „Тригорское“, гдѣ между прочимъ говорится и о совмѣстной жизни поэтовъ на лонѣ природы.

Что восхитительнѣе, краше
Свободныхъ, дружескихъ бесѣдъ,
Когда за пѣнистою чашей
Съ поэтомъ говорить поэтъ?
Жрецы великаго искусства,
Пророки воли божества!
Какъ живы, пламенны ихъ чувства,
Какъ полноѣсны ихъ слова!
Какъ быстро, мыслью вдохновенной,
Мечты на радужныхъ крылахъ,
Они летаютъ по вселенной
Въ былыхъ и будущихъ вѣкахъ! и т. д.

Въ 1827 г. Языковъ писалъ Вульфъ изъ Дерпта:

Мнѣ все плѣнительно въ Тригорскомъ,
 Все свято: Пушкинъ, ты да я —
 Тамъ не въ одномъ винѣ заморскомъ
 Мы пили нѣгу бытія!

Въ томъ же году въ одномъ изъ посланій П. А. Осиповой, вспоминая о пріѣздѣ Пушкина въ Тригорское, Языковъ называетъ его поэтомъ, совмѣстившимъ геній Вольтера, Гете и Расина¹⁾. Наконецъ, Языковъ почтилъ и няню Пушкина, знаменитую Арину Родіоновну, специальнымъ поэтическимъ посланіемъ, также написаннымъ въ Дерптѣ, и кромѣ того написалъ элегію по случаю ея смерти.

Пушкинъ не оставался въ долгу передъ дерптскимъ пѣвцомъ и на его восторженныя посланія отзывался также и стихотвореніями и письмами, адресованными въ Дерптъ. 9 ноября 1826 г., по возвращеніи изъ Москвы въ село Михайловское, Пушкинъ благодарилъ Языкова за „Тригорское“ и между прочимъ писалъ: „Вы ничего лучше не написали, но напишете много лучшаго. Дай Богъ вамъ здравія, осторожности, благоденственнаго и мирнаго житія. Царь освободилъ меня отъ цензуры. Онъ самъ — мой цензоръ. Выгода, конечно, необъятная.“ Въ томъ же году на посланіе Языкова онъ отвѣтилъ стихотвореніемъ

Языковъ! кто тебѣ внушилъ
 Твое посланье удалое?
 Какъ ты шалишь и какъ ты милъ,
 Какой избытокъ чувствъ и силъ,
 Какое буйство молодое! и т. д.

1) Заморской шляпою покрытый,
 Стѣша въ Тригорское, одинъ —
 Вольтеръ и Гете и Расинъ —
 Являлся Пушкинъ знаменитый.

Въ слѣдующемъ году, 14 іюня 1827 г., уже изъ Петербурга Пушкинъ отправилъ Языкову третье свое поэтическое посланіе въ Дерптъ.

Къ тебѣ собирался я давно
Въ нѣмецкій градъ, тобой воспѣтый,
Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты,
Тобой воспѣтое вино.

Ужъ зазывалъ меня съ собою

Тобой воспѣтый Киселевъ ¹⁾,

И я съ веселою душою

Оставить былъ совсѣмъ готовъ

Неволю невскихъ береговъ.

И что жъ? Гербовыя заботы

Схватили за полы меня,

И на Невѣ, хоть нѣтъ охоты,

Прикованный остался я.

О юность, юность удалая!

Могу-ль тебя не пожалѣть?

Въ долгахъ, бывало, утопая,

Займодавецъ убѣгая,

Готовъ былъ всюду я летѣть.

Теперь докучно посѣщаю

Своихъ лѣнливыхъ должниковъ ;

Остепенившись, проклиная

Я тяжесть денегъ и годовъ.

Прости, пѣвецъ, играй, пируй,

Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй,

Не знай сіятельнаго чванства,

Не знай любезныхъ должниковъ

И не плати своихъ долговъ

По праву русскаго дворянства! ²⁾

1) Николай Дмитріевичъ Киселевъ — студентъ Дерптскаго университета, впослѣдствіи русскій посолъ въ Парижъ и Римъ.

2) Дальнѣйшая исторія отношеній Пушкина и Языкова, очень характерная для послѣдняго, не имѣетъ связи съ Дерптомъ. Позволю

Говоря о попыткѣ Пушкина бѣжать черезъ Дерптъ за границу и о дружбѣ Пушкина съ Языковымъ, сдѣлавшей Дерптъ мѣстомъ, гдѣ писались одно время диэпирамбы великому поэту и куда самъ Пушкинъ посылалъ свои поэтическія и прозаическія посланія, — я неоднократно упоминалъ имя Вульфа. Этотъ представитель русской національности, несмотря на свою нѣмецкую фамилію, — является довольно интересной личностью и помимо дружескихъ отношеній къ нему Пушкина и Языкова. „Академическій альбомъ“ Дерптскаго университета сообщаетъ о Вульфѣ очень немного: родомъ изъ Пскова, родился въ 1805 г., изучалъ военныя науки съ 1822 по 1825 г., кончилъ курсъ кандидатомъ, дослужился въ военной службѣ до чина полковника, умеръ въ 1851 г. 1). Но помимо этихъ официальныхъ и не во всемъ вѣрныхъ свѣдѣній, мы знаемъ Вульфа, во первыхъ, по цѣлому ряду посвященныхъ ему Языковымъ стихотвореній, гдѣ между прочимъ Вульфъ называется „проповѣдникомъ и героемъ академической свободы“. Затѣмъ изъ разсказовъ покойнаго Семеваго, по-

себѣ отмѣтитъ, что въ то время, какъ Языковъ съ Дельвигомъ и Баратынскимъ составляли для Пушкина, по выраженію Анненкова, „плеяду, поставленную имъ почти вѣдъ всякой возможности суда, а еще менѣе, какого-либо осужденія,“ — авторъ „Тригорскаго“ въ тридцатыхъ годахъ позволялъ себѣ такіе же неодобрительные отзывы о Пушкинѣ, какъ и прежде, до личнаго съ нимъ знакомства. „Повѣсти Бѣлкина“, за исключеніемъ „Выстрѣла“ и „Барышни-крестьянки“, по мнѣнію Языкова, „не стоятъ письма, а тѣмъ паче — печати.“ Сказки Пушкина, по отзыву Языкова, „далеко отстали отъ (сказокъ) Жуковскаго“. Относительно „Бориса Годунова“ Языковъ писалъ брату: „Пушкинъ издалъ его слишкомъ и слишкомъ поздно. Добро бы хоть въ эти пять лѣтъ поправлялъ его, а то все прежнее и все не то, чего ожидать слѣдовало.“ При такомъ отношеніи къ Пушкину не удивительно, что Языковъ встрѣтилъ извѣстіе о смерти великаго поэта довольно сдержанно. Въ то время, какъ Жуковский, Гоголь, Лермонтовъ, Марлинскій, Вяземскій, Губеръ, Кольцовъ и цѣлый рядъ другихъ русскихъ писателей въ стихахъ и прозѣ оплакали смерть Пушкина, какъ національное и личное горе, отъ Языкова остались слѣдующія строки въ письмѣ изъ симбирской деревни: „И здѣсь надѣлала много шуму смерть Пушкина, столь жалко погибшаго отъ руки подлаго нѣмчурки.“

1) На самомъ дѣлѣ, Вульфъ умеръ въ селѣ Тригорскомъ въ 1881 г.

сѣтившаго въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ село Тригорское, мы знаемъ, что Вульфъ, будущій гусарь русской службы, а впослѣдствіи, кажется, предводитель дворянства Тверской губерніи, — во дни своего студенчества мечталъ объ объединеніи Германіи и былъ однимъ изъ немногихъ дерптскихъ членовъ буршеншафта¹⁾. Далѣе, опубликованные недавно академикомъ Л. Н. Майковымъ отрывки изъ дневника Вульфа²⁾ показываютъ, что ихъ автора должно присоединить къ числу образованныхъ людей своего времени въ полномъ смыслѣ этого слова. Наконецъ, въ записной книжкѣ Пушкина отъ 1831 г. осталась слѣдующая замѣтка: „Въ концѣ 1825 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ. Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцевать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ.“ Студентъ этотъ былъ А. Н. Вульфъ, которому суждено, было сдѣлаться, до нѣкоторой степени, оригиналомъ для одного изъ симпатичнѣйшихъ поэтическихъ образовъ, созданныхъ Пушкинымъ.

Извѣстно, что, живя въ селѣ Михайловскомъ, Пушкинъ между прочимъ написалъ большую часть „Евгенія Онѣгина“, и что жизнь Онѣгина въ деревнѣ до мельчайшихъ подробностей напоминаетъ жизнь Пушкина въ псковской деревнѣ, о чемъ мы имѣемъ свидѣтельство самого поэта.³⁾ Однимъ изъ занятій Онѣгина въ деревнѣ, какъ мы знаемъ изъ II главы романа, были долгіе споры съ Ленскимъ.

Между ними все рождало споры

И къ размышленію влекло :

1) „Русскій Архивъ“ 1867 г.

2) „Русская Старина“ 1899 г., мартъ и апрѣль.

3) „Въ IV пѣснѣ „Евгенія Онѣгина“ я изобразилъ свою жизнь“ (письмо кн. Вяземскому).

Племеньъ минувшихъ договоры,
 Плоды наукъ, добро и зло,
 И предразсудки вѣковые,
 И гроба тайны роковыя,
 Судьба и жизньъ въ свою чреду,
 Все подвергалось ихъ суду.

Писаревъ въ свое время не безъ основанія глумился надъ Пушкинымъ за то, что поэтъ заставилъ своего героя вести споры о недоступныхъ его пониманію вещахъ. Иначе представляется дѣло, если мы поставимъ на мѣсто Онѣгина — Пушкина, а на мѣсто Ленскаго — Вульффа. Пушкинъ, насколько мы его знаемъ въ настоящее время, и Вульфъ, съ которымъ мы только что познакомились, вполне въ состояніи были вести упомянутые споры. Самая характеристика Ленскаго въ многомъ напоминаетъ Вульффа.

Въ свою деревню въ ту же пору
 Помѣщикъ новый прискакалъ
 По имени Владиміръ Ленскій,
 Съ душою прямо геттингенской,
 Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
 Поклонникъ Канта и поэтъ.
 Онъ изъ Германіи туманной
 Привезъ учености плоды:
 Вольнолюбивыя мечты,
 Духъ пылкій и довольно странный,
 Всегда восторженную рѣчь
 И кудри черныя до плечъ.

Вульфъ, насколько извѣстно, не былъ поэтомъ, но и „геттингенская душа“¹⁾, и преклоненіе передъ Кантомъ, и „учености плоды“, и „вольнолюбивыя мечты“, и „духъ пылкій и довольно странный“ — все это могло быть у члена

1) А что такое „геттингенская душа“, — Пушкинъ зналъ на основаніи знакомства съ братьями Тургеневыми, закончившими свое образованіе въ геттингенскомъ университетѣ.

буршеншафта и было на самомъ дѣлѣ у Вульфа. Поэтому заслуживаютъ полнаго довѣрія слѣдующія строки изъ дневника Вульфа отъ 15 іюня 1833 года: „Съ большимъ удовольствіемъ перечелъ я сегодня 8-ю и вмѣстѣ послѣднюю главу „Онѣгина“, одну изъ лучшихъ главъ всего романа, который всегда останется однимъ изъ блистательнѣйшихъ произведеній Пушкина, украшеніемъ нашей литературы, довольно вѣрною картиною нравовъ, а для меня лично — источникомъ воспоминаній весьма пріятныхъ по большей части, потому что онъ не только почти весь написанъ въ моихъ глазахъ, но я даже былъ дѣйствующимъ лицомъ въ описаніяхъ деревенской жизни Онѣгина, ибо она вся взята изъ пребыванія Пушкина у насъ, въ губерніи Псковской. Такъ я, дерптскій студентъ, явился въ видѣ геттингенскаго подъ названіемъ Ленскаго; любезныя мои сестрицы суть образцы его деревенскихъ барышень, и чуть не Татьяна ли одна изъ нихъ. Многія изъ мыслей, прежде чѣмъ я прочелъ ихъ въ „Онѣгинѣ“, были часто въ бесѣдахъ глазъ на глазъ съ Пушкинымъ, въ Михайловскомъ, пересуждаемы между нами, а послѣ я встрѣчалъ ихъ, какъ старыхъ знакомыхъ“ 1).

Итакъ, попытка Пушкина бѣжать черезъ Дерптъ за границу, письма и поэтическія посланія въ Дерптъ Языкову и дружба съ дерптскимъ студентомъ Вульфомъ, являющимся, до нѣкоторой степени, оригиналомъ Ленскаго, даютъ право заявить, что старый Дерптъ игралъ немаловажную роль въ жизни Пушкина, при томъ въ наиболѣе важный періодъ его жизни, именно во время пребыванія поэта въ селѣ Михайловскомъ, гдѣ Пушкинъ окончательно отрѣшился отъ подражательности и выступилъ на поприще національнаго творчества.

1) „Русская Старина“ 1899 г., мартъ, сс. 530—531.

